

ЗАПИСКИ П. А. КАРАТЫГИНА.

Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ со дня поступленія моего въ театральное училище, и я изъ приготовительнаго (танцевальнаго) класса перешелъ въ классъ балетмейстера Дидло. Этотъ знаменитый хореографъ былъ тогда въ полномъ блескѣ своего таланта и монополія его деспотически распоряжалась въ театральномъ мирѣ. Воспитывающіеся обоего пола, всѣ безъ исключенія, обязаны были непременно учиться танцевать, хотя бы имѣли страсть и способности къ другимъ сценическимъ искусствамъ. Конечно, для будущихъ актеровъ и актрисъ, пѣвцовъ и пѣвицъ—это дѣло не бесполезное, танцевальной гимнастикой пріобрѣтается сценическая ловкость; музыкантамъ же, разумѣется, танцы вовсе ненужны, но для балетной обстановки Дидло необходима была безчисленная масса корифеевъ, фигурантовъ, фигурантовъ и статистовъ—и все это плясало по его дудѣ, не говоря ни слова, начиная съ самого начальства. Личность Дидло была очень оригинальна: онъ былъ средняго роста, худощавый, рябой, съ небольшою лысиною; длинный, горбатый носъ, сѣрые, быстрые глаза, острый подбородокъ; вообще вся его наружность была небольшою красива... Высокіе, туго-накрахмаленные воротнички рубашки закрывали въ половину его костлявыя щеки. Онъ постоянно былъ въ какомъ-то неестественномъ движеніи, точно въ его жилахъ была ртуть, вмѣсто крови. Голова его безпрестанно была занята сочиненіемъ какого-нибудь разъ, или сюжетомъ новаго балета, и потому подвижное его лицо ежеминутно измѣнялось, а всю его фигуру то и дѣло подергивало; ноги держалъ онъ не-

обыкновенно выворотно, и имѣлъ забавную привычку одну изъ нихъ каждую минуту то поднимать, то отбрасывать въ сторону... Эту штуку онъ выкидывалъ даже ходя по улицѣ, точно онъ страдалъ пляскою св. Вита. Кто видѣлъ его въ первый разъ, могъ бы, конечно, принять его за помѣшаннаго, до того всё его движенія были странны, дики и угловаты. Вообще этотъ замѣчательный человѣкъ былъ фанатикъ своего искусства и все свое время посвящалъ на безпрерывныя, неутомимыя занятія.

Первый балетъ, который онъ началъ готовить при мнѣ, былъ: «Ациссъ и Галатея». Его давали въ Маломъ театрѣ (Большой театръ тогда еще не былъ возобновленъ послѣ пожара) 30-го августа 1816 года, въ день тезоименитства императора Александра I. Мнѣ назначено было изображать Меркурія и спускаться съ самаго верха..... Честь довольно высокая, но не менѣе и опасная... Помню я, какъ моя покойная матушка, узнавъ объ этой воздушной экспедиціи, пришла въ неописанный ужасъ!.. Она боялась, что я не сорвался со своего полета, или чтобъ меня не ушибли... На генеральной репетиціи меня, раба Божія, нарядили въ полный костюмъ миеологическаго Меркурія; подъ тюрбаномъ былъ у меня корсетъ съ толстымъ крючкомъ на спинѣ, къ этому крючку прицѣплялись проволоки, на которыхъ я долженъ былъ повиснуть; на головѣ была голубая шляпа съ бѣлыми крылышками; такія же бѣлышки были и на ногахъ; въ руку мнѣ дали золотой вадуцей и я готовился къ своему заоблачному путешествію...

Душа бѣднаго Меркурія уходила въ пятки и посланникъ боговъ, конечно, желалъ бы въ ту минуту лучше провалиться сквозь землю (т.-е. подъ полъ), чѣмъ летѣть на небеса... Но судьба отвратила отъ меня эту напасть... Я ужъ былъ повѣшенъ на крючокъ, меня подняли отъ полу аршина на три, какъ вдругъ что-то наверху запищало, и Меркурій ни съ мѣста!.. Стопъ машина! Она испортилась... Машинистъ Тибо полѣзъ на колосники (такъ называется верхній отдѣлъ сцены), суетился и кричалъ наверху, Дидло бѣсновался внизу, а я между ними висѣлъ, какъ баранъ, или какъ несчастная жертва, обреченная на закланіе!.. Не помню, сколько времени я провисѣлъ между небомъ и землей, но наконецъ меня сняли съ крючка, велѣли раздѣться и сказали мнѣ, что этого эффектнаго полета вовсе не будетъ!

Языческій Меркурій бросилъ свой кадуцей, и снявъ шляпу, перекрестился обѣими руками! Въмѣсто неба потомъ я попалъ въ воду; мнѣ пригизано было одѣться тритономъ; подвязали мнѣ чешуйчатый рыбій хвостъ, надѣли на голову зеленый длинноволосый парикъ и номѣстили меня на заднемъ планѣ, въ далекомъ морѣ, въ свиту Нептуна. Новая моя роль была и покойна и неопасна, мнѣ тутъ было, какъ говорится, море по колѣно и въ буквальномъ, и въ аллегорическомъ смыслѣ. На генеральныхъ репетиціяхъ новыхъ своихъ балетовъ, Дидло всегда бывалъ неприступенъ и доходилъ зачастую до совершеннаго изступленія. Малѣйшая ошибка или неисправность приводили его въ бѣшенство; онъ рвалъ на себѣ волосы, бросалъ свою толстую палку и кричалъ неистовымъ голосомъ. Къ концу репетиціи потъ лилъ съ него градомъ и онъ уже совершенно изнемогалъ и терялъ голосъ. Горе тому, кто подвергивался къ нему въ этотъ рововой вечеръ! Тутъ онъ себя непомнилъ и готовъ былъ прибить встречнаго и поперечнаго, особенно послѣдняго, еслибъ тотъ осмѣливался ему въ чемъ-нибудь поперечить. Вспыльчивый, нетерпѣливый сангвиникъ, онъ былъ неукротимъ въ минуту досады; даже его однородный сынъ Карлъ Дидло (очень хорошій танцовщикъ) не избѣгалъ заушеній, колотушекъ, щипковъ и тому подобныхъ родительскихъ внушеній...

Въ то время въ Маломъ театрѣ уборныя воспитанниковъ помѣщались довольно далеко отъ сцены, такъ что мы, одѣтые въ свои костюмы, должны были проходить на сцену по театральному корридору, наполненному публикой. Помню я забавный эффектъ, когда мы, наряженные тритонами, въ зеленыхъ парикахъ, съ рыбьими хвостами, проходили однажды мимо почтеннѣйшей публики, и какъ иные шутники дергали насъ за эти хвосты, другіе стаскивали наши парики и потѣшались надъ нашимъ рыбьимъ безмолвіемъ; а намъ ничего больше не оставалось, какъ, подобравъ свои хвосты, бѣжать сломя голову отъ этихъ любезныхъ шутокъ почтенной публики.

Балетъ «Ациссъ и Галатея» имѣлъ въ то время большой успѣхъ; прекрасная музыка для него была сочинена капельмейстеромъ Антонолини. Ацисса — представляла Новицкая, первая танцовщица; Галатею — Истомина (та самая, о которой такъ поэтично отзывается Пушкинъ въ I главѣ «Евгенія Онѣгина»).

Она дебютировала этою ролью; трехглазого Полиеема изображалъ танцовщицѣ и балетмейстеръ Огюсть (Пуаро). Всѣ они давно уже въ царствѣ тѣней, но тогда были полны жизни и въ полномъ цвѣтѣ своего таланта.

Постановка каждаго новаго балета составляла эпоху въ театральномъ балетномъ мѣрѣ. Мѣсяца два или три происходили ежедневныя репетиціи, поутру и вечеромъ, и, разумѣется, въ это время всѣ наши словесные классы въ училищѣ умолкали; ноги и руки отдавались въ полное распоряженіе балетмейстера, а головы должны были думать только о томъ, что онъ приказывалъ.

Прошелъ годъ, я продолжалъ учиться у Дидло, который обѣщалъ моему отцу сдѣлать изъ меня первокласснаго фигуранта! Щелчки, пинки и прочія удовольствія, которыя я получалъ отъ него, доказывали, что онъ прилежно мною занимался и хотѣлъ сдержать свое обѣщаніе.

Однажды, во время класса, онъ заставилъ меня дѣлать раз, называемое технически тан-леве назадъ. На мою бѣду, все что-то неклеилось. Дидло выходилъ изъ терпѣнія, бранилъ и трепалъ меня беспощадно, заставляя нѣсколько разъ повторять это проклятое тан-леве, но дѣло неладилось. Грозно стуча своей толстой палкой, онъ энергически наступалъ на меня, а я, танцуя, подавался назадъ, и наконецъ, когда мы оба съ нимъ находились посреди залы, на потолокъ которой висѣла тогда хрустальная люстра, онъ размахнулся своей палкой и разбилъ люстру въ дребезги. Толстые куски хрусталя упали на его лысую голову и до крови ее разсѣкли!

Тутъ окончательно онъ взбѣсился, ударилъ меня раза два или три и выгналъ изъ класса! Легко вообразить себѣ, какою шуму надѣлала у насъ эта кровавая катастрофа! Что меня прибилъ Дидло, разумѣется, это дѣло неважное, а какъ я смѣлъ довести его до того, что онъ разбилъ люстру на свою голову. Вотъ гдѣ преступленіе! Инспекторъ школы (отставной актеръ Рахмановъ) приказалъ мнѣ, послѣ класса, просить прощенія у моего учителя. Къ чести Дидло надо сказать, что при необыкновенной своей вспыльчивости онъ не былъ злопамятенъ, и когда я подошелъ къ нему и со слезами началъ у него просить извиненія, онъ погладилъ меня по головѣ и далъ мнѣ только наставленіе, чтобъ впредь я былъ прилежнѣе, а главное не подводилъ бы его

подъ люстру. «Это происшествіе оставило на нѣсколько дней у него красныя пятна на лысинѣ, а у меня синяки, на какомъ мѣстѣ, не помню. Я тоже незлопамятенъ.

Иногда добрякъ Рахмановъ вступался за насъ, горемыкъ, и говаривалъ Дидло: «Ты, мусье Дидло, пожалуйста, самъ-то ихъ не бей, а скажи лучше мнѣ, кто у тебя проштрафится, таъъ я его послѣ накажу; а то, что же хорошаго? Искалечилъ мальчишку, куда онъ потомъ годится?» Но, увы! вся эта добродушная логика не имѣла никакого вліянія на самоуправство деспота-балетмейстера.

Въ описываемое мною время ходилъ постоянно къ намъ на репетиціи и въ спектакли сбитеньщикъ, и какъ же былъ счастливъ тотъ изъ насъ, у кого была въ карманѣ гривна на это наслажденіе, особенно въ зимнюю пору. Грѣхъ сказать, чтобъ у меня всегда водились деньжонки, и мнѣ случалось иногда облизываться, глядя на наслажденіе моихъ товарищей; въ долгъ же мальчишкамъ жестокой сбитеньщикъ не вѣрилъ.

Однажды, во время репетицій вышеупомянутаго балета «Ациссъ и Галатея» пришелъ къ намъ другой сбитеньщикъ, который произвелъ необыкновенный эффектъ въ нашемъ заулицномъ муравейникѣ; онъ былъ очень высокаго роста, съ черной бородой и въ нахлобученной шапкѣ; въ баклагѣ у этого сбитеньщика былъ не сбитень, а отличный шеколадъ; кулекъ же его, вмѣсто обыкновенныхъ сухарей и булокъ, былъ наполненъ конфектами, бриошками и бисквитами, но что всего удивительнѣе, онъ подчивалъ всѣхъ даромъ! Эта новость, разумѣется, быстро разошлась между нами. Благодарнаго сбитеньщика всѣ обступили и ротъ разинули отъ удивленія.

За кулисами, гдѣ обыкновенно помѣщался прежній нашъ сбитеньщикъ, было всегда довольно темно и потому мудро было рассмотреть это новое лицо. Когда я подошелъ къ нему, около его составился тѣсный кружокъ воспитанницъ, которыя слѣлись, какъ мухи къ меду; само собою разумѣется, что вся его баклага и кулекъ быстро опустѣли; на мою долю досталась одна конфекта, а шоколаду я и не понюхалъ. Эта курьезная новость дошла, наконецъ, и до старика Рахманова; онъ былъ тертый калачъ, и тотчасъ смевнулъ, что тутъ дѣло не ладно.

Едва только его тучная фигура появилась на мѣсто нашего

бражничанья, какъ всё бросились, съ кривомъ и визгомъ, въ рассыпную. Самъ же сбитеньщикъ побросалъ на полъ баклагу, кулекъ и стаканы и убѣжалъ опрометью изъ театра. Въ чемъ же заключалась эта закулисная комедія? Сбитеньщикомъ нарядился поручикъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка Якубовичъ (впослѣдствіи извѣстный декабристъ). Онъ тогда ухаживалъ за воспитанницей Дюмонъ (которая потомъ вышла замужъ за актера Ефремова) и пришелъ на репетицію, чтобъ передать ей любовную записку. Этотъ Якубовичъ въ молодости былъ отчаянный кутило и дуэлистъ.

По возвращеніи изъ славнаго похода въ Парижъ, гвардейскіе офицеры того времени были большіе повѣсы вообще, а уланы въ особенности, и въ скандалъзвную хронику Петербурга, вѣроятно, вписано много гвардейскихъ шалостей и удалыхъ походовъ.

Помню я, какъ рассказывали въ то старое доброе время одинъ забавный анекдотъ: однажды ночью, послѣ веселаго ужина, разгульная компанія офицеровъ разбрелась потѣшаться по Невскому проспекту, и въ продолженіе почти эти шутники перемѣнили нѣсколько вывѣсокъ надъ лавками и магазинами. Поутру у булочника оказалась вывѣска колбасника, надъ мясной лавкой—красовалась вывѣска французской модистки, надъ трактиромъ была вывѣска съ аптеки, надъ аптекой—гробоваго мастера и такъ далѣе. Нынче, конечно, подобныя проказы немислимы, но въ ту пору не было ночного полицейскаго надзора и инвалидные будочкики невозмутимо дремали у своихъ старозавѣтныхъ будокъ.

Шалость Якубовича, кажется, не была доведена до государя, и онъ за свой маскарадъ поплатился только пустой баклагой, разбитыми стаканами и расходомъ на закулисное угощеніе.

Во всѣхъ балетахъ того времени я участвовалъ въ кордебалетной толкотнѣ. На моей памяти Дидло сочинилъ и поставилъ: «Зефира и Флору», «Тезея и Ариадну», «Молодую молочницу», «Венгерскую хижину», «Рауля де-Креки», «Кору и Алонзо», «Калифа багдадскаго», «Хензи и Теа», «Тѣнь Либаса» и много другихъ. Вообще онъ ставилъ тогда по два, а иногда и по три новыхъ балета въ годъ. Дѣятельность этого необыкновеннаго хореографа была изумительна. Опъ буквально цѣлыя дни вплоть до ночи посвящалъ своимъ непрерывнымъ занятіямъ. Ежедневно, по окончаніи классовъ въ училищѣ, онъ сочинялъ или пантомимы,

или танцы для новаго балета; передавалъ свои идеи композиторамъ музыки и машинистамъ, составлялъ рисунки декораціямъ, костюмамъ и даже бутафорнымъ вещамъ. Онъ былъ человѣкъ очень просвѣщенный, начитанный и художникъ, вполне преданный своему искусству. Не легко было, подѣ часъ, совладать съ нимъ и композиторамъ музыки для его балетовъ; тутъ бывали у нихъ вѣчныя столкновенія, споры, и бѣдному маэстро приходилось по нѣскольку разъ передѣлывать, перекраивать, переименовывать свои произведенія. Каждая репетиція новаго балета съ полнымъ оркестромъ необходима была безъ исторіи, и Дидло, за частую, изъ одной лишней такты готовъ былъ разыграть страшную фугу! Кончалось иногда тѣмъ, что разобиженный композиторъ махнетъ рукою и убѣжитъ изъ театра.

Года черезъ полтора послѣ моего поступленія въ школу; опредѣленъ былъ туда же Николай Дюръ (впослѣдствіи извѣстный актеръ); онъ былъ моложе меня пятью годами и я, какъ опытный уже воспитанникъ, помогалъ ему добрыми совѣтами и сдѣлался его искреннимъ пріятелемъ. Дюръ съ дѣтства готовился быть танцоромъ, и дѣйствительно имѣлъ большія способности. Вскорѣ Дидло особенно имъ занялся и, конечно, жестоко его билъ и мучилъ. Много было потрачено съ обѣихъ сторонъ и трудовъ, и времени совершенно бесполезно; вмѣсто танцора онъ сдѣлался прекраснымъ актеромъ и комическимъ пѣвцомъ.

Вообще, опредѣлить въ дѣтскихъ годахъ направленіе таланта или способностей почти невозможно. Такъ, напримѣръ, Сосницкій — тоже готовился быть танцоромъ и уже занималъ роли въ балетахъ; потомъ, года за два до выпуска изъ школы, занялся механикой и хотѣлъ сдѣлаться машинистомъ, но князь Шаховской, который тогда былъ членъ репертуарной части и учитель декламации, указавъ ему другое поприще, вытащилъ его изъ-за кулисъ на сцену, и Сосницкій сдѣлался первокласснымъ актеромъ. Съ Мартыновымъ была та же исторія: мальчикомъ онъ учился живописи у декоратора Конопки, растиралъ ему краски, и конечно бы ступевался въ его мастерской, еслибъ его также ненадоумили попробовать счастье на другомъ поприщѣ. Иногда случается и наоборотъ: въ ребенкѣ какъ-будто ясно видѣнъ зародышъ драматическаго таланта, а потомъ изъ него выйдетъ косолапый фигурантъ или безголосный хористъ. Въ мое время, напримѣръ, сла-

вилась воспитанница Плотникова, которая въ дѣтствѣ была развита не по годамъ, но съ лѣтами талантъ началъ пропадать, и войдя въ совершенный возрастъ, она сдѣлалась положительною бездарностью и затерялась въ толпѣ хористокъ.

Еще у насъ въ то время былъ воспитанникъ Кондратій Дембровскій (или Кондракинъ, какъ его выставляли тогда на афишахъ), который также въ дѣтствѣ обѣщаль сдѣлаться замѣчательнымъ танцоромъ, но малый ростъ и некрасивая наружность преобразили его въ ничтожнаго фигуранта.

Однажды мы въ длинномъ фургонѣ (называемомъ линіей, форма которой и теперь еще не исчезла) возвращались съ репетиціи. Тогда противъ Большого театра жилъ нѣкто камеръ-юнкеръ Нивита Всеволодовичъ Всеволожскій, котораго Дембровскій училъ танцевать. Это было весною, кажется, въ 1818 году. Когда поровнялся нашъ фургонъ съ окномъ, на которомъ тогда сидѣлъ Всеволожскій и еще кто-то съ плоскимъ, приплюснутымъ носомъ, большими губами и съ смуглымъ лицомъ мулата, Дембровскій высунулся изъ окна нашего фургона и началъ имъ усердно вляняться. Мулатъ снялъ съ себя парикъ, сталъ имъ махать надъ своей головой и кричалъ что-то Дембровскому. Эта фарса насъ всѣхъ разсмѣшила. Я спросилъ Дембровскаго: «Кто этотъ господинъ?» и онъ отвѣчалъ мнѣ, что это сочинитель Пушкинъ, который тогда только-что начиналъ входить въ извѣстность, по изданіи первой своей поэмы: «Русланъ и Людмила». Тутъ же Дембровскій прибавилъ, что послѣ жестокой горячки Пушкину выбрили голову и что-де, на дняхъ, онъ написалъ на этотъ случай стихи, которые Дембровскій прочелъ намъ наизусть:

«Я ускользнулъ отъ Эскулапа,
 «Худой, обрѣтый, но живой.
 «Его мучительная лапа
 «Не тяготѣеть надо мной!» и проч.

Вотъ случай, когда мнѣ въ первый разъ довелось увидѣть нашего поэта. Дембровскій самъ пописывалъ кое-какіе стихи и былъ страстный поклонникъ Пушкина; онъ, бывало, приносилъ къ намъ въ школу рукописныя его эпиграммы, экспромты и посланія. Какъ-то разъ, послѣ веселаго обѣда у Всеволожскаго, Пушкинъ вызвалъ Дембровскаго написать на него эпиграмму. Эпиграмму на Пушкина!!! Гигантъ вызвалъ карлика на борьбу съ

собою! Разумѣется, бѣдный фигурантъ долго отговаривался отъ этой опасной чести, но наконецъ рискнулъ и написалъ какую-то пошлость. Пушкинъ не задумался отвѣтить ему и отпустилъ, въ свою очередь, на Дембровскаго такую эпиграмму, которая его, бѣднягу, совершенно уничтожила.

Сколько мнѣ помнится, въ эпиграммѣ Дембровскаго было сказано что-то о некрасивой фizioноміи Пушкина, и вотъ что отвѣчалъ ему Пушкинъ:

«Когда смотрюся я въ зеркалѣ.
«То вижу, кажется, Эзопъ,
«Но ставь* Дембровскій у стекла...
.

Остальное неудобно для печати.

Теперь я поведу рѣчь о знаменитомъ актерѣ, который долго какъ солнце блистала на театральномъ горизонтѣ, но въ это время былъ уже на закатѣ своего славнаго поприща. Я хочу сказать объ Алексѣѣ Семеновичѣ Яковлевѣ. Это, дѣйствительно, былъ необыкновенный артистъ; умный, добрый и честный человѣкъ, но, въ несчастію, русская широкая его натура была слишкомъ воспримчива и неудержима, и онъ съ молодыхъ лѣтъ предался грустной слабости, которая такъ обыкновенна въ русскомъ человѣкѣ и которая часто заставляеть его преждевременно зарывать свой талантъ въ землю! Много, много на св. Руси погибло гениальныхъ людей отъ невоздержности и разгульной жизни! Ни свѣтлый умъ, ни воспитаніе, ни доброе и благородное сердце, ничто не въ состояніи ихъ удержать отъ губнаго увлеченія! Къ числу такихъ жертвъ принадлежитъ и Яковлевъ. По словамъ моего покойнаго отца, эта несчастная страсть появилась у Яковлева послѣ первой его поѣздки въ Москву (кажется въ 1805 или 1806 году); тамъ попалъ онъ въ общество богатыхъ и разгульныхъ купцовъ, которые были въ упоительномъ восторгѣ отъ прежняго своего собрата (Яковлевъ былъ москвичъ, изъ купеческаго званія); они задавали чуть не ежедневно въ честь своего гостя обѣды, пирушки и попойки, и положительно спиили своего любимца!

Купеческія симпатіи къ артистамъ всегда имѣютъ такіа грустныя послѣдствія. Не одинъ Яковлевъ, на моей памяти, сдѣлался жертвою этихъ простодушныхъ цѣнителей искусства.

Эта несчастная страсть довела бѣднаго Яковлева впоследствии до бѣлой горячки, и однажды, въ припадкѣ этой болѣзни, онъ перерѣзалъ бритвой себѣ горло; но во-время поданная ему помощь спасла его отъ явной смерти; рану немедленно зашили и приняты были самыя старательныя мѣры для его излеченія.

Эта грустная катастрофа въ тотъ же день сдѣлалась извѣстна всему Петербургу. Всѣ классы общества были проникнуты горячимъ участіемъ и соболѣзнованіями къ своему любимому артисту. Старшіе воспитанники театральнаго училища, днемъ и ночью, поочередно дежурили у него на квартирѣ въ продолженіе шести недѣль, и я помню, по рассказамъ моего отца, что когда, по выздоровленіи, Яковлевъ вышелъ въ первый разъ на сцену въ роли Ярба (въ трагедіи Дидона, соч. Княжнина), то восторгъ публики дошелъ до изступленія; театральная зала дрожала отъ рукоплесканій и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ ему невозможно было начать своей роли. Наконецъ крики и рукоплесканія умоляли; всѣ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждали услышать снова знакомые звуки своего любимца. Онъ силился произнести первый стихъ—и не могъ. Растроганный до глубины души артистъ, можетъ быть, въ эту торжественную минуту вполне сознавалъ свою вину. Голосъ его оборвался, крупныя слезы показались по его щекамъ и онъ безмолвно опустилъ голову! снова раздались рукоплесканія и крики, и наконецъ, кое-какъ собравшись съ силами, онъ началъ свою роль.

Въ этотъ вечеръ, по словамъ его современниковъ, онъ превзошелъ себя, а восторгъ публики былъ безпредѣленъ.

Года два или три послѣ этого происшествія, онъ, говорятъ, отсталъ отъ своей несчастной слабости и усердно занялся своимъ искусствомъ. Но, увы! широкая русская натура снова взяла свое, и закатъ его блистательнаго поприща зачастую былъ отуманенъ губительнымъ порокомъ.

Онъ умеръ въ 1817 году. На его надгробномъ памятникѣ написано:

«Завистниковъ — имѣлъ; соперниковъ — не зналъ!»

Эпитафія красива и звучна. Но кто же теперь повѣритъ этой восторженной аттестаціи? Да, надо признаться, что очень непрочно и мимолетна репутація сценическихъ артистовъ. Что можетъ быть при жизни заманчивѣе, пріятнѣе, лестнѣе славы

артиста?... Тутъ же, въ минуту своего труда, онъ получаетъ и награду. Каждая новая, съ успѣхомъ сыгранная имъ роль увеличиваетъ его славу; онъ ходитъ по цвѣтамъ, его вѣнчаютъ лаврами; онъ осыпанъ ласками восторженной публики, его слухъ оглушенъ громомъ рукоплесканій и крикомъ одобренія,— но все это эфемерная награда! Что же послѣ себя оставляетъ великій артистъ?... Ровно ничего! Художникъ, живописецъ, ваятель, архитекторъ, музыкальный композиторъ— всѣ они передаютъ на судь потомства свои произведенія, по которымъ оно можетъ оцѣнить ихъ, опредѣлить силу ихъ дарованій, идей и талантовъ; но на какихъ данныхъ потомство можетъ сдѣлать оцѣнку таланта специческаго художника. Нѣсколько журнальныхъ статей, нѣсколько мемуаровъ старинныхъ театраловъ— и только! Но развѣ новое поколѣнiе уважитъ эти похвальные отзывы? Нѣтъ, оно скажетъ: «Да, это имъ казалось въ то время, а теперь бы ихъ знаменитый актеръ былъ просто смѣшонъ. Эти восторженные хвалители были тогда сами молоды, судили пристрастно и ошибочно увлекались». Что же возражать на это? Повѣрки сдѣлать нельзя. Современныя зоицы не примутъ въ соображеніе того, что еслибъ этотъ знаменитый актеръ жилъ въ теперешнее время, онъ бы и игралъ иначе. Съ измѣненіемъ общественнаго вкуса, требованія и направленія драматической литературы, измѣнилась бы и метода умнаго и талантливаго артиста. Онъ также пошелъ бы за вѣкомъ.

Не спору, что журнальные панегирики и восхваленія ничего еще не доказываютъ и бываютъ иногда очень подозрительны. За границей вообще, а во Франціи въ особенности, ни одинъ дебютантъ, а тѣмъ болѣе дебютантка, никогда не выступитъ на сцену, не задобривъ прежде одного или многихъ присяжныхъ театралныхъ рецензентовъ. Если знаменитый, въ свое время, критикъ Жюль-Жаненъ, какъ говорятъ, не могъ похвалиться своей неподкупностью, такъ мелкіе репортёры и подавно.

Чего не настроить упитанный и упоенный аристархъ послѣ вкуснаго завтрака или обѣда; а за цѣнный подарокъ готовъ, пожалуй, написать хвалебную рекламу, хоть подъ диктовку своего протеже.

Разумѣется, у насъ этого ничего быть не можетъ, но смѣшно и грустно, если, лѣтъ черезъ пятьдесятъ, будущее поколѣнiе ста-

неть судить объ нынѣшнихъ артистахъ по нашимъ современнымъ журналамъ и газетамъ.

Я живо помню Яковлева въ трехъ роляхъ: въ Димитріи Донскомъ, въ Беверлей и въ Мейнау (драма «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», Коцебу). Особенно послѣдняя производила на меня всегда сильное впечатлѣніе. Эта, такъ-называемая, мѣщанская драма не требовала классической декламации, и Яковлевъ былъ въ ней простъ и художественно высокъ; мимика, жесты — все было у него естественно и правдиво; голосъ его хотя тогда уже утратилъ прежнюю свою звучность, но все еще сохранилъ обаятельную способность глубоко проникать въ душу.

Знаменитая фраза Мейнау, въ сценѣ съ его другомъ Горстомъ, послѣ разказа о своей несчастной исторіи съ женой, когда онъ, утирая слезы (которыя, дѣйствительно, текли по его лицу) говорить: «добро пожаловать, дорогіе гости!... давно мы съ вами не видались!...» производили всегда взрывъ рукоплесканій. Тутъ надо было имѣть очень черствое сердце, чтобъ не заплакать съ нимъ вмѣстѣ. Послѣдняя же сцена — прощаніе съ женой (которую тогда играла моя матушка) была верхъ совершенства; Беверлей былъ также изъ числа его лучшихъ ролей. Эта послѣдняя пьеса напомнила мнѣ анекдотъ, слышанный мною отъ моей матушки: однажды въ этой драмѣ дебютировалъ нѣкто Толстяковъ, неуклюжій, бездарный чудакъ. Въ этотъ вечеръ отчаянный игрокъ Беверлей, вмѣсто обычнаго ужаса, производилъ ежеминутный хохотъ, благодаря бездарности своего исполнителя. Въ сценѣ, когда Беверлей приходитъ домой послѣ окончательнаго проигрыша, и жена говоритъ ему: «Другъ мой! Не играй больше!» взрывъ рукоплесканій раздался по всей залѣ и общій хохотъ и браво были рѣшительнымъ отвѣтомъ и желаніемъ публики. Толстяковъ исполнилъ это требованіе: не игралъ больше, хотя и поступилъ на службу въ театр. Онъ сдѣлался статистомъ.

П. А. Каратыгинъ.